

Памяти погибших. Подъ редакцій Н. И. Астрова, В. Ф. Зеелера, П. Н. Милюкова, кн. В. А. Оболенскаго, С. А. Смирнова и Л. Е. Эльяшева, Парижъ 1929.

Партия Народной Свободы была, вѣрно, самой молодой либеральной партией въ Европѣ. И жизнь была ей суждена короткая — всего какихъ-нибудь 12-13 лѣтъ. Въ эволюціи огромной страны какой же это срокъ? И, тѣмъ не менѣе, итоги ея культурнаго и политическаго вліянія будущій историкъ оцѣнитъ едва ли ниже, чѣмъ заслуги самыхъ старыхъ и значительныхъ либеральныхъ группировокъ Запада. Не только потому, что дѣятельность «кадетъ» совпала со столь знаменательнымъ періодомъ русской исторіи, какъ первое десятилѣтіе конституціоннаго режима; не только потому, что партия Народной Свободы впитала въ себя лучшія умственныя силы страны, но и потому еще, что она была одушевлена извѣстной и р а в с т в е н н о й идеей, придававшей всему движенію особый — и, вѣрно, уже неповторимый, — пабось.

Къ сожалѣнію, систематическая исторія этого исключительнаго по захвату политическаго теченія еще не написана и, можно думать, что не скоро окажется возможнымъ ее написать. Пока только одну главу — самую скорбную — этого будущаго труда восполняетъ сборникъ «Памяти погибшихъ» — мартирологъ, далеко не исчерпывающій, но включающій все же шестьдесятъ пять именъ «кадетъ» — жертвъ большевистскаго режима. Тутъ и извѣстная всей Россіи фигуры политическихъ дѣятелей, и множество именъ менѣе извѣстныхъ, или даже такихъ, о которыхъ слышали только на мѣстахъ или въ болѣе тѣс-

ныхъ кругахъ партіи. Нѣкоторымъ посвящены подробные некрологи — такъ въ статьи А. А. Кизеветтера о Кокошкинѣ, П. Н. Милюкова о Шингаревѣ, П. Мельгуновой-Степановой объ участникахъ Национальнаго Центра («Трагедія Неопалимовскаго переулка»), Н. Астрова о Н. Н. Щепкинѣ, Влад. Розенберга объ А. Д. и А. С. Алферовыхъ, Ф. И. Родичева о кн. П. Д. Долгоруковѣ. О другихъ оказалось возможнымъ сказать только немногое. Да и очень неодинаковы были — и по положенію своему въ жизни и по партійному значенію — всѣ эти люди. Среди нихъ были и крупные дѣятели науки, и представители старыхъ прославленныхъ родовъ, и видные парламентаріи, но были и мелкіе чиновники, торговцы, земскіе дѣятели изъ среды «третьяго элемента».

Тѣмъ не менѣе всѣхъ этихъ людей нѣчто объединяетъ. И связаны они не только тождествомъ политическихъ убѣжденій, но и рѣдкой высотой моральнаго уровня и сознаниемъ отвѣтственности въ своемъ общественномъ служеніи. Большевики какъ бы сознательно избирали своихъ жертвъ среди тѣхъ, кто честно и безкорыстно этому служенію отдавался. Такова, очевидно, чудовищная логика революціи.

М. К.

В. Розановъ. Опавшіе листья. Изд. Rossica. Берлинъ. 1929.

«Глубокое недоумѣніе, какъ же «меня» издавать? Если «всѣ сочиненія...», кто же будетъ читать?.. А если избранное и лучшее... то неудобное въ томъ, что нѣкоторыя о с т р ы я с т р ь л ы (завершенія, пики) в с е г о моего міросозерцанія

выразились просто въ примѣчаніи къ чужой статьѣ». («Опавшіе листья», стр. 375).

Передъ этой трудностью стоитъ всякій издатель Розанова, особенно современный. Выбравъ «Опавшіе листья», какъ первый снопъ Розановской жатвы, издательство «Rossica» удачно приступило къ рѣшенію задачи. Эта книга — настоящая энциклопедія Розанова, малый карманный Розановъ. Всѣ темы, волнующія его, вошли въ эту книгу. Не въ капризномъ содѣствѣ случайныхъ записей, какъ могло бы показаться съ перваго взгляда, а въ той внутренней необходимой связи, которая дается единствомъ жизни. Нетрудно обнаружить, что самыя поверхностныя высказыванія Розанова — о политикѣ, журналистикѣ, напримѣръ, — связаны съ самыми глубокими корнями его бытія. За видимымъ хаосомъ, разорванностью, противорѣчивостью, проткрывается тихая глубина. «Опавшіе листья», быть можетъ, не самое острое, но самое зрѣлое, изъ всего, что написалъ Розановъ — осенняя жатва его жизни, уже тронутая дыханіемъ смерти. Въ предчувствіи гибели, но все еще отрочески влюбленный въ жизнь, въ мельчайшія ея явленія, Розановъ достигаетъ предѣльной, метафизической зоркости. И какъ удивительно — для многихъ неожиданно, — что эта Розановская зоркость открывается зоркостью любви.

Ищешь по привычкѣ, къ чему можно было бы приписать ярлыкъ цинизма, и не находишь. Эта книга исполнена нѣжности и печали. Конечно, человекъ религиозный, какъ и человекъ политическій, вообще человекъ убѣжденій, будетъ раненъ многимъ. Но какъ поднимется рука судить того, кто самъ такъ

безопасно казнить себя? Кто стоитъ передъ Богомъ и передъ міромъ съ содранной кожей, чтобы больнѣе было жить?

Противорѣчія Розанова? Они на каждой страницѣ. Но въ нихъ уже нѣтъ ничего отъ игры, отъ рѣзвости ума, дерзости ирраціонализма. Онъ просто слишкомъ ясно видитъ обѣ стороны медали, говоря языкомъ его любимой нумизматики. Онъ часто видитъ ихъ одновременно, и не имѣетъ ни силы, ни желанія, преодолѣть ихъ актомъ воли. Въ выборѣ для него, вѣроятно, всегда есть что-то насильственное, безчеловѣчное. Не только вѣчныя розановскія темы — христіанство, еврейство — все время выворачиваются наизнанку. О самыхъ чуждыхъ, презрѣнныхъ для него вещахъ, Розановъ въ этотъ часъ осенней справедливости, готовъ найти порой трогательныя и примиряющія слова. Удивительно читать въ этой книгѣ апологію низкихъ истинъ: морали, ума, западничества, либерализма, даже русской журналистики. И еще удивительнѣе, что въ апологіи соблюдена мѣра. Розановъ точно знаетъ, что онъ можетъ простить и принять въ чуждомъ ему порядкѣ бытія. Категория мѣры, столь ему несродная, торжествуетъ, какъ найденное равновѣсіе сердца: какъ возможный предѣлъ благословенія жизни.

Любовь и смерть есть подлинная тема «Опавшихъ листьевъ», начало и конецъ книги, которая, за множественностью темъ, имѣетъ одну основную, біографическую: умираніе любимой, той, кого Розановъ называетъ «другомъ». Течение болѣзни, жестокая обыденность медицины, приближеніе конца, отмиренное этапами разложенія — сооб-

---

щают жестокою правдивостью жизни самымъ отвлеченнымъ страницамъ. Ибо мы знаемъ: о чемъ бы ни была мысль Розанова, она питается изъ источниковъ любви и смерти.

Разумѣется, можно сказать: всякая большая мысль о человѣкѣ — всегда о любви и смерти. Все дѣло въ томъ, что такое смерть, что такое любовь для Розанова. «Смерти я боюсь, смерти я не хочу, смерти я ужасаюсь», повторяетъ онъ. Какъ древній еврей, онъ плохо вѣритъ въ безсмертіе. Да «безсмертіе души» его нисколько не утѣшаетъ — его, который хочетъ «на тотъ свѣтъ придти съ носовымъ платкомъ. Ни чуточку меньше». Страшно умираніе тѣла, вещей, нѣжно любимыхъ «до дырочки въ сапогѣ». Лишь черезъ любовь къ конкретной личности онъ ощущаетъ безсмертіе, но никакая религія не можетъ гарантировать ему носового платка въ вѣчности. Онъ мучается временностью человѣка, категоріей времени, но не хочетъ отказаться ни отъ чего, что во времени, ибо сюда онъ излилъ всю свою любовь безъ остатка. Отсюда безвыходность его трагедіи.

Его любовь раздваивается, какъ эросъ и жалость, оставаясь единой. И это единство — самое важное въ завѣщаніи Розанова. Быть можетъ, магнитныя бури пола уже потеряли свою напряженность — къ осеннимъ днямъ. Но несомнѣнно, что въ Розановскомъ воспріятіи пола отсутствуетъ все жестокое, несмотря на его увлеченіе сирийскими и фаллическими культами. Самыя интимныя признанія въ «Опавшихъ листьяхъ» объ этомъ свидѣлствуютъ. Лишь чадородіе, т. е. материнство, т. е. жалостная кормящая любовь его вдохновляетъ. Это библейское и, притомъ,

женское пониманіе любви дѣлаетъ Розанова единственнымъ въ сферѣ нашей язычески-христіанской культуры.

Его любовь къ тѣлу оказывается любовью къ «душѣ тѣла». А духъ лишь «запахомъ тѣла». — «Будемъ цѣловать другъ друга, пока текутъ дни. Слишкомъ быстротечны они — будемъ цѣловать другъ друга». О чемъ это? Объ эросѣ? Но подъ страницей замѣтка о смерти доктора Наука.

Любовь для Розанова жалость и боль о человѣкѣ. Не восхищенное созерцаніе (платонизмъ), а отогрѣваніе въ невыносимомъ холодѣ жизни. «Больше любви, больше любви, дайте любви. Я дыхаюсь въ холодѣ. У, какъ вездѣ холодно». Вотъ почему нѣтъ святѣ имени матери («мамочкой» зоветъ онъ своего «друга»). «Звѣзды жалѣютъ ли? Мать — жалѣетъ: и да будетъ она выше звѣздъ». Только съ болью о человѣкѣ Розановъ можетъ мыслить и Бога, тревожно вопрошая объ этомъ: «Болитъ ли Б. о насъ? Есть ли у Б. вообще боль?». Лишь погружаясь въ жалость, Розановъ встрѣчается съ Христомъ. Все еще отвращаясь отъ Евангелія (какъ аскезы), онъ ставитъ вопросъ о смыслѣ Христовой жертвы. Не Искупителя, не Побѣдителя смерти, а страдальца и, притомъ, побѣжденнаго, готовъ принять Розановъ. «Если такъ: и онъ пришелъ у т ѣ ш и т ь въ страданіи, котораго обойти невозможно, побѣдить невозможно, и прежде всего, въ этомъ ужасномъ страданіи смерти и ея приближеніяхъ, тогда все объясняется. Тогда Осанна! Но т а к ѣ ли это? Не знаю».

Погруженный въ эту религію жалости, Розановъ отмѣняетъ всѣ заповѣди, кромѣ одной: любовь къ человѣку

— «остальных можешь не исполнять». Отсюда страницы, посвященные друзьямъ, — пронзительной нѣжности. Нельзя, однако, не почувствовать, какъ тонетъ въ этой жалостной стихіи чувство личности. О самой любимой, о «другѣ», Розановъ не умѣетъ сказать почти ничего конкретнаго. Она остается для насъ блѣдной тѣнью Женщины, Русской Женщины, Матери, Христіанки — мы не видимъ ея живого лица. Она и та же безкачественная любовь разливается въ міръ.

Слабо чувствуя личность, Розановъ начисто отрицаетъ царство идей. Идеи доступны ему лишь въ теплыхъ, человѣченыхъ сгусткахъ быта. Переводя съ платоновскаго языка на христіанскій, придется сказать, что въ Библии Розанова нѣтъ мѣста ангеламъ.

Вотъ почему съ такою легкостью совершается въ Розановѣ разложенеіе соціальнаго сознанія, и притомъ двойнаго: консервативно-церковнаго и радикально-позитивистскаго. Вся изумительная вспышка Розановскаго гениа питается горючими газами, выдѣляющимися въ разложеніи старой Россіи. Думая о Розановѣ, невольно вспоминаешь распадъ атома, освобождающій огромное количество энергіи. Отъ «Пониманія» къ «Опавшимъ листьямъ»: не случайно, что вершины своего гениа Розановъ достигаетъ въ максимальной разорванности, распадѣ «умнаго» сознанія. Розановъ одновременно и рождается самъ въ смерти старой Россіи и могущественно ускорять ея гибель. Иной разъ кажется, что одного «Уединеннаго» было бы достаточно, чтобы взорвать Россію.

Но если Розановъ, убійца идей, выполнялъ провиденціальную функцію разрушителя Имперіи, то въ немъ же уми-

рающая Россія находитъ своего плакальщика. Плачь о Россіи, предчувствіе ея гибели — одна изъ самыхъ жгучихъ темъ «Опавшихъ листьевъ». Здѣсь Розановъ возвышается до жуткихъ пророчествъ: «Счастлиую и великую родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконецъ, глупа, наконецъ, даже порочна. Именно, когда наша «мать» пьяна, лжетъ, и вся запуталась въ грѣхѣ, мы и не должны отходить отъ нея. Но и это еще не послѣднее: когда она наконецъ умретъ и будетъ являть однѣ кости¹ — тотъ будетъ «русскій», кто будетъ плакать около этого остова, никому не нужнаго, и всѣми плюнутаго. Такъ да будетъ»...

Г. Федотовъ.

Alexandre Koyré. «La philosophie et le problème National en Russie au début du XIXe Siècle». Paris 1929

Исторія русской философской мысли — тема весьма неблагоприятная, если подойти къ ней съ точки зрѣнія европейской философіи. Дѣйствительно оригинальной философской системы никто изъ русскихъ мыслителей не создалъ, да, въ сущности, и не стремился къ этому. Ни славянофилы, ни, даже, Владиміръ Соловьевъ своего философскаго я не утверждали.

Индивидуалистическимъ и взаимно-исключающимъ тенденціямъ европейской философіи долженъ быть, прежде всего, противопоставленъ соборно-традиціонный — если можно такъ выразиться — характеръ русской мысли. Философія, по опредѣленію Кирѣевскаго, должна создаваться «не однимъ человѣкомъ, но выростать на виду сочувствен-